

УДК 930.85

**КРЫМ И РУМ В XIII–XIV СТОЛЕТИЯХ (АНАТОЛИЙСКАЯ
ДИАСПОРА И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА СОЛХАТА)****Марк Крамаровский**

Государственный Эрмитаж, Отдел Востока,
190000, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: solkhat@hermitage.ru

Исторические источники позволяют датировать начало активной инфильтрации малоазийских тюрок в Восточный Крым около 1265 г. и связать первую волну диаспоры со сторонниками экс-султана Рума ‘Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (султан Рума 1246–1257). Орда Кей Кавуса пришла из Анатолии через Добруджу. До этого времени, и даже в период захвата Судака сельджуками *Хусām ал-Дйн Чупāн’а* в конце 1220-х гг. каких-либо заметных переселенческих потоков из Анатолии в Таврику нет. Находка на полуострове подвесной свинцовой печати с двуглавым орлом и арабской легендой с титулами трех соправителей Рума 1249–1257 гг. – ‘Изз ад-Дина Кей Кавуса II, Рукн ал-Дина Кылыч Арслана IV и Ала ад-Дина Кай-Кубада II – свидетельствует об уровне официальных контактов ордынских наместников Крыма и султанов Рума в период до 1265 г. Одной из основных причин укоренения сельджукской прививки в культуре исламской общины Солхата явились «*малые миграции*» из Анатолии. Благодаря контактам с сельджуками Рума в Восточном Крыму оказалась усвоена модель *тюркского ислама*, тяготеющего к *суфизму*. В материальной культуре города сельджукская традиция нашла проявление в архитектуре, гончарстве, ювелирном искусстве и, что существенно, продолжила свое существование после падения Румского султаната.

Ключевые слова: Солхат, сельджуки Рума, суфизм, ханафитский мазхаб, каландары, суфийские рибаты.

Одной из задач истории «монгольского» Крыма является изучение особенностей форм цивилизационного развития времени Золотой Орды. Едва ли кто-нибудь возьмется оспаривать смену культурных векторов в период, когда византийское доминирование на полуострове, основанное на идеях ортодоксального христианства, отступило под напором ближневосточной исламской традиции, вызванной монгольской экспансией на Ближнем и Среднем Востоке. Это вовсе не означает, что христианство и другие монотеистические религии, иудаизм, например, оказались вытеснены идеологией Корана. Но цивилизационный маятник все-таки заметно качнулся в сторону му-

сультманских культур Ближнего Востока и Малой Азии, открыв пути для прихода в Крым ислама суннитского толка в редакции ханифитского *мазхаба*. Особенно значимым для формирования духовной жизни и культуры населения Солхата оказался феномен араб-малоазийского *суфизма*, который принесла из сельджукидского Рума анатолийская диаспора. Именно она (диаспора) сыграла решающую роль в формировании анатолийско-исламской традиции в среде прозелитов – язычников и недавно перешедших к оседлости приверженцев тенгризма¹. Это сказалось не только на духовной жизни исламских кварталов, но и повседневно быте всего населения города. Уже к концу XIII века Юго-Восточный Крым из аморфной контактной зоны степей и северочерноморской периферии Византии превращается в очаг активной поселенческой жизни, в которой возобладала анатолийско-исламская модель развития. Новая традиция реформативировала культурный код значительной части всего населения полуострова, распространившись на соседние территории – Большой Кавказ (Дагестан, например) и далее на восток в сторону европейских степей вплоть до городов Поволжья.

Общие положения. Солхат – один из молодых городов средневековой Таврики. Его возникновение можно отнести к 40–60-м гг. XIII в. [28, с. 141–157; 32, с. 506–532]. Как административный центр золотоордынского Крыма, он был призван контролировать торговые караваны, следующие из Дешт-и Кыпчак колесными дорогами юго-восточного предгорья к морскому побережью и, прежде всего, к причалам Каффы. В тоже время через таможню Солхата осуществлялась доставка транзитов Романии, направлявшихся генуэзцами и венецианцами на отрезке степных маршрутов к ханскому домену на Волге. Выполнению этой задачи способствовало удачное расположение города на границе предгорной и степной ландшафтных зон в непосредственной близости от Каффы.

Город изначально развивался в рамках трех общин – *христианской, исламской и караимско-раббанитской*. Историческая топография города складывалась по мере их формирования. Но только исламская община выростала в тесном взаимодействии и в прямом контакте с Сараем, следуя за развитием религиозной и политической жизни правящих домов Батуидов и их близкого окружения. Это создавало почву для преференций, что не замедлило сказаться на социальных позициях общины и росте ее общественной значимости. В результате Солхат обрел восточный облик, хотя до XIII века Северное Причерноморье не знало ислама как вектора развития. Заметим, что все религиозные группы города широко и постоянно поддержи-

¹ Проф. Шагдар Бира выделяет три стадии в развитии монгольского тенгризма, первую из которых относит к периоду основания Великого Монгольского государств [67, р. 3–12; 8, с. 36].

вали свои контакты с исторической родиной «старых» и «новых» поселенцев.

Наши представления о топографии Солхата основаны на сопоставлении натуральных наблюдений и плана города, снятого русским военным топографом около 1873 г. [36, рис. 23]. Согласно этому плану, градообразующая магистраль перерезает пятно городской застройки XV–XVIII вв. с запада на восток, расчлняя средневековое городище на три неравные части. При этом куст христианских памятников оказался в юго-западном секторе поселения, а *кенасса*, обозначившая центр иудаистского Солхата, указана на плане в юго-восточном секторе. Исламские кварталы, расположившиеся вдоль трассы, заполнили всю центральную часть города, потеснив застройку инокультурных общин. Примечательно, что два из шести христианских храмов, вероятно, принадлежавших греческой и армянской общинам, после 1363 г., когда город опоясал оборонительный ров, остались за линией городских укреплений. Необходимость строительства защитного рва (инициатива крымского *улусбека Кутлуг-Буга*) была вызвана боязнью наступления на Крым Великого княжества Литовского, нанесшего поражение ордынцам под Синими водами (1362 г.). Спустя короткое время (1375–1380 гг.) ров и земляной вал были заменены беклярибеком Мамаем каменными стенами с башнями [34, с. 7–17]. Защитный пояс Солхата в период наивысшей политической нестабильности государства на время уравнивал военный потенциал и угрозу со стороны генуэзцев Каффы. Масштаб строительства нового оборонительного пояса оказался беспрецедентен и для Крыма, и всей Золотой Орды: только протяженность каменных стен с башнями составила более 6,7 км.

Мусульманская община состояла из новообращенных тюрок (половцев, кыпчаков), переселенцев из Средней и сельджуков Малой Азии, основного населения исламского Солхата. Вплоть до конца XIV ст. тонкую прослойку в ней составляли представители родоплеменной аристократии из *кыйатов* и *найманов*. На первых опирался Мамай – Кучук Мухаммед (ум. 1385), лидером вторых был Кутлуг-Буга (Благодатный бык), переживший своего удачливого соперника на десятилетие.

Христиане занимали северо-западный сектор городища. По преимуществу, это были аланы, греки, славяне, но также и тюрки старших поколений, принявшие православие константинопольского обряда еще в византийский период. Есть глухие сведения о нахождении в Солхате греческих митрополитов [14, с. 296]. О рядовых представителях общины можно судить только по материалам раскопок. Нами исследована однефная базилика [36, с. 144, 145. рис. 28] сер. XIV – нач. XV вв. Храм состоит из основного объема и притвора. Южная стена храма оказалась снабжена двумя аркосолиями с нишами-склепами. Снаружи аркосолии обозначены стрельчатым заверше-

нием. Ниши использованы как фамильные усыпальницы (в инвентаре одной из них обнаружена створка энколпиона киевского типа XIII–XIV вв.). Представляется важным отметить, что христианским было и крупное поселение близ юго-восточной границы города. Здесь располагался один из ремесленных пригородов с развитым гончарным производством и некрополем. В сезоне 2004 г. при исследовании могильника было открыто мужское захоронение XIV в. со створкой бронзового энколпиона сирийского типа XII – нач. XIII вв. Створка украшена изображением *Богоматери-оранты* и греческой надписью «θεοτόκος» – «Богородица» [36, рис. 29]. Во 2-ой пол. XIII в. христианская община пополнилась армянами из Высокой Армении и Киликии, исповедующими григорианство. В начале XIV в. (1318 г.) какая-то часть армян отошла от Апостольской церкви и приняла католичество. В 1330 г. в Крыму возникает латино-армянская монашеская община «Fratres Unitores» с центром в Каффе, ассоциирующаяся с доминиканским орденом [72, s. 19, 20]. В последнем десятилетии XIII в. в Солхате отмечены латиняне-католики выходцы из Латинской Романии и Лигурии [68, pp. 68, 96, 140, 141, 187, 193, 207, 220, 268, 269, 285, 292, 293]. Среди последних, вместе с новообращенными, заметное место заняли францисканцы – Крым входил в кустодию Газзария Аквилонского викариата; центром кустодии с 1289 г. являлась Каффа [55, с. 58; 45, с. 183–189]. Возможно, что к 1290 г. здесь уже существовал генуэзский квартал со своим приходом. В отчете кустодия Каффы Ладислава генеральному министру Ордена францисканцев Маттео д'Акваспарта (1287–1289) сообщается о конфликте латинян с набирающей силы исламской общиной из-за нежелания мусульман терпеть праздничные звоны колоколов. Около 1287 г. францисканцы были изгнаны из Солхата. Вскоре, однако, по решению Тулабуги (1287–1290) и Ногая (ум. 1300) францисканская церковь в Солхате была восстановлена. В церемонии возвращения похищенного мусульманами колокола на старое место приняла участие жена Ногая Яйлак, принявшая, наряду с несколькими джучидскими военачальниками, католичество [44, с. 143–144; 59, с. 18–72]². Всего миноритам вместо одного похищенного было передано три колокола.

² Вопрос о запрете колокольного перезвона в городских центрах Крыма продолжал быть острым и после 1314 г., когда хан (Узбек 1312–1341) подтвердил прежние привилегии францисканцев, освобожденных от налогов и воинской повинности еще при Менгу Тимуре (1267–1280) и Токте (1290–1312). В конечном итоге Узбек запретил колокольный бой францисканских церквей в Крыму. Апостолату францисканцев все же удалось сохранить традицию колокольного боя в Каффе (колокольный перезвон в Керчи, так напугавший Ибн Баттуту, переночевавшего весной 1334 г. в храме Иоанна Предтечи (нач. XIII в.), скорее всего, был связан с одним из православных церковных праздников.

В настоящее время невозможно определить место латинского квартала на местности. Но еще в 80-е гг. XVIII в., судя по акварели француза Жана Бальтазара де ля Траверса, городской силуэт Эски Крыма украшала генуэзская башня. Башня, скорее всего, и отмечала генуэзское подворье, которое историк XVIII в. Одорико называл «Castello Kirma». После поражения Карло Ломеллино в 1437 г. консульство, видимо, окончательно прекратило свое существование.

С XIV в. в Солхате проживали *несториане*, видимо, выходцы из Сирии. Известны следы их культурной деятельности. Нашими работами в Солхате обнаружено надгробие XIV в. работы местного камнетеса, предназначенное, вероятно, для несторианина-сирийца [36, с. 139–145, рис. 25–27]. Об этом свидетельствует изображение креста на одном из торцов надгробия. На противоположном торце – изображена лампа – один из наиболее почитаемых мотивов в искусстве ислама. И крест, и лампа обрамлены венками, придающими композициям устоявшийся геральдический характер. Арабская надпись гласит: «Кто скромн с людми, того Аллах возвысит! Кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает!». В Солхате в 1338 г. под руководством католических миссионеров, как полагает А.М. Пьемонтезе, переписаны Евангелие от Матфея³ и от Марка (переписчик *Амин ад – Дин Кутлуг Бау*) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик *Зийа ад Дин Хадже б. Маула На`иб Нур ад-Дин*); считается, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Наличие монастырского (?) скриптория в городе скорее говорит в пользу существования общины, на чьи средства переписывались богослужебные книги. Едва ли нас могут смутить тюркское и арабское имя переписчиков. Обращение тюрков в католичество и православие в конце XIII в. в Крыму демонстрируют как тексты «Codex'a Cumanicus» (конец XIII – нач. XIV вв.), так и тюркские имена Судакского синаскаря [74, pp. 38–40; 7, с. 65–68].

Иудейскую общину составляли местные караимы и тюркоязычные евреи-раббаниты⁴, но в том числе и выходцы из Ближнего Востока, Средней Азии, а после 1453 г. община пополнилась переселенцами из Константинополя. Караимы жили по законам Торы, т.е. Письменному Закону (Пятикнижию), полученному Моисеем на горе Синай; раббаниты следовали Устному Закону, внесенному в *Талмуд* (*Тора ше-бе-аль-пэ*, «устная Тора») позднее. Обе группы использовали иврит в качестве литературного языка, языка литургических и камнеписных текстов, но разговорным, во всяком случае, в эпоху нового

³ А.М. Пьемонтезе полагает, что Евангелие от Иоанна переведено с латыни, а три других – с сирийского [50, с. 26, 27].

⁴ Тезис о «местных караимах» основан на упоминании топонима «Солхат» в еврейском источнике под 1241 г. [см.: 43, с. 59], т.е. в то время когда города (как социальной страты) быть еще не могло.

времени, служил диалект крымско-татарского (характеристику истории караимов и раббанитов в средневековом Крыму – см.: 42, с. 91–171, 177–242). Таким образом, следует подчеркнуть, что религиозные общины не были едины ни исповедально, ни этнически.

Повседневная жизнь горожан (в период расцвета города в 1-ой пол XIV в. их число достигало, вероятно, около восьми-девяти тысяч) определялась несколькими объединяющими факторами. Главные из них три. Первый составила власть представителя золотоордынского хана – *баскака* (тюрк.). Второй – общий для всех горожан рынок, развитие которого подхлестнуло введение с начала 1260-х гг. общегосударственного монетного чекана. Третий фактор составила единая для всех трех общин система водопользования⁵. В отношениях с властью приоритеты оставался за исламской общиной.

Мусульмане не сразу заняли доминирующие позиции в городе, о чем свидетельствует их тяжба с францисканцами. По-видимому, до последних лет XIII в. положение исламской и христианской общин было если и не равновесным, то близким к паритету. Однако к марту 1334 г. в Солхате бой колоколов был уже упразднен.

Самой малочисленной в городе была иудейская община. Если исходить из площади кенассы/синагоги в ~210 кв.м. (полевые наблюдения 2015 г.), общее число ее (общины) населения из расчета одного квадратного метра на человека, должно быть, приближалось к 1000–1200 человек (с учетом 5–6 членов семьи)⁶. Абсолютной даты постройки кенассы мы не знаем. Опираясь на косвенные данные, можно лишь предположить, что молельный дом был, вероятно, возведен во второй трети XIII века [42, с. 109, 115].

По-видимому, в первые два десятилетия становления города и вплоть до конца XIII ст. превалировала христианская община, но мы, к сожалению, не располагаем данными о жилищах и ее общественных сооружениях 2-ой пол. XIII – нач. XIV вв., поскольку эта часть городища плохо сохранилась. В первый раз христианские кварталы города пострадала при сооружении вала и рва 1362 г., а в новейшее

⁵ Средневековая система водопользования к настоящему времени полностью утрачена в связи со сменой городского населения. Результаты изучения традиционной системы водного хозяйства средневекового Солхата – см.: 41. Т. I, с. 25–37; Т. II, с. 179–197.

⁶ Уже к середине XVIII ст. реальное представление о масштабах караимской общины Солхата XIII–XIV вв. было утрачено. Духовный лидер караимов Чуфут-Кале Шемуэль Кальи бен Иосиф (ум. в 1754 г.), передавая миф о многочисленности солхатской общины в древности, отмечает существование в городе семнадцати караимских школ и четырех молельных домов (кенасс). В старании передать величие одной из кенасс, он пересказывает легенду о ее вместимости, рассчитанной на 3000 и более прихожан. При этом перекрытие кенассы, по его словам, поддерживалось 44 колоннами из мрамора (!) и дерева. Благодарю М.Б. Кизилова за предоставленные сведения.

время были едва ли не полностью уничтожена при прокладке автомагистрали Симферополь – Феодосия.

Первая квартальная мечеть появляется в Солхате только осенью 1263 г. Она была построена рядом с рынком (местонахождение неизвестно) на благотворительные средства сына хаджи Омара ал-Бухари [61, с. 663]. Это событие, несомненно, отразило настроения, существовавшие в поволжской столице в окружении хана-мусульманина Берке (1257–1266). При ханах Менгу-Тимуре (1266–1280) и Узбеке (1312–1341) сформировался устойчивый исламский вектор развития, определивший культурное лицо города на несколько будущих столетий.

Крым и исламская Анатолия. Исторические источники позволяют датировать начало активной инфильтрации малоазийских тюрок в Восточный Крым около 1265 г. и связать первую волну диаспоры со сторонниками экс-султана Рума ‘Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (султан Рума 1246–1257; ум. 1280; возможно, похоронен в Крыму в районе Ор-Капы)⁷. Орда Кей Кавуса пришла из Анатолии через Добруджу [Wittek 1950, р. 639–667]. До этого времени, и даже в период захвата Судака сельджуками *Хусām ал-Дйн Чупāн’а* каких-либо заметных переселенческих потоков из Анатолии в Таврику нет. В Судак румийцами была построена мечеть и на время установлены законы шариата. Традиция связывает эту мечеть с «храмом с аркадой», но этому противоречит археологическая дата памятника – XIV в. [58, с. 531–621]. По мнению британского медиевиста А.Пикока, строительство гарнизонной мечети не означало насильственного насаждения ислама [78, р. 135]. Он считает, что крымский поход сельджуков состоялся до 1226 года [78, р. 139–140; 79, 243–265]. Дата воинской акции окончательно не установлена. В свое время А.Ю. Якубовский предложил отнести акцию сельджуков *Хусām ал-Дйн Чупāн’а* к периоду между 1221 и 1223 гг. [65, с. 53–76]. Р.М. Шукуров, выделил в борьбе Трапезунда и сельджуков четыре пика военных обострений (в 1205–1214 гг., 1225–1230 гг., 1254–1265 гг., и 1277 г.); по его мнению, судакская акция состоялась не позднее 1228 года [63, с. 154]. А.В. Джанов поход сельджуков на Сугдак относит к 1226 г. [19, с. 46–78], т.е. через три года после зимовки корпуса монгольской разведки в городе и прилегающей долине (1223 г.).

Сельджукские притязания на Судак уже давно принято, как это предлагал византист В.Г. Васильевский, рассматривать сквозь призму соперничества Рума с Трапезундом за влияние на Западный Крым и, в частности, его протекторат – Херсонес [12, с. 273]. Война 1223 г. между сельджуками Ала ад-Дина Кайкубада (1219–1236) и трапезундским императором Андроником I Гидом (1223–1235) нача-

⁷ О захоронении Кей Кавуса на Перекопском перешейке сообщает Эвлия Челеби, о чем упомянул И.М. Миргалеев в докладе на конференции в Саратове 4–6 июня 2015 года.

лась из-за ограбления греческого корабля, который должен был доставить в Трапезунд налоги Корсуня-Херсонеса и «стран Готии» [83, р. 158, 159]. «Синописис чудес св. Евгения», откуда взяты сведения о захвате сельджукским наместником Этумом Раисом трапезундского судна с налогами, детально проанализирован Р.М. Шукуровым и Д.А. Коробейниковым [62, с. 178–200; 63, с. 166–190]. Трапезунд находился в тесных контактах с Херсонесом, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь печати Великих Комнинов. С.В. Сорочан и его соавторы пишут о неясном характере отношений протектората с заморской империей [56, с. 325]. Однако акт выплаты налогов в 1220-е годы и упоминание в полной титулатуре Великих Комнинов «*Perateia*» – «Заморской территории» [25, с. 194, 195], говорит о политической подчиненности Херсонеса Трапезунду. Это состояние сохранялось всю первую половину XIII в. [9, с. 95]. После третьей четверти века город медленно приходит в упадок. Примерно к этому времени относится слой мощного пожара, обнаруженный археологами в северных кварталах раскопками до начала 1290-х годов. Отсутствие в слое пожара джучидских монет свидетельствует, что к концу XIII в. этот район города, скорее всего, был уже заброшен [54, с. 310]. Е.Ю. Гончаров на основе анализа находок монет из исламской Анатолии, Латинской империи, Византии, Трапезунда, Никеи и Болгарии пришел к мысли о разрушении VIII и IX кварталов Северного района города концом 1230-х – началом 1240-х гг. [18, с. 118–132]. Связаны ли разрушения в северных кварталах Херсонеса с сельджуками *Хусām ал-Дйн Чупāн'а* – предположение, остающееся в рамках гипотезы. По-видимому, малоазийско-сельджукские материалы Херсонеса главным образом обусловлены торговыми обменами, что подтверждается обнаружением здесь серии сельджукских *фельсов* и *дирхемов* нач. XIII в., но также и артукидских монет, чеканенных в Хисн Кайфе (Месопотамия) [66, р. 239–244; см. еще: 18, с. 118–132]. Поскольку раскопками в Херсонесе выявлена значительная группа сельджукской керамики и других материалов из Румского султаната [49, с. 429, 438 – 440, 449, 455, 472, 474 и др.], в том числе фрагмента металлической лампы [51, с. 541–550], чей тип не характерен для частного дома, я не исключаю возможности существования в северной части города иноверческой общины. А где еще могли бы находить защиту и приют купцы из исламской Анатолии? Возможно, ее разрушение как-то связано с сельджукской воинской акцией конца 1-й трети XIII в. из-за несовпадения коммерческих интересов представителей торгового сословия с интересами *Хусām ал-Дйн Чупāн'а*.

Рум и ордынский Крым. Суфизм. Относительно Юго-Восточной части полуострова, как уже было отмечено, мы располагаем надежными сведениями об орде малоазийских сельджуков, пришедших в Крым с территории Балкан около 1265 г. во главе с *Сары Салтуком*. Об этом сообщает историческая компиляция, составленная турецким

автором *Йазийи-оглу Али* в период правления султана Мурада II (1421–1451), возможно, в 1424 г. [86, р. 639–667]. Согласно персидским источникам, в Крым вслед за низложенным султаном Рума *‘Изз ад-дином Кей Кавусом II*, пришли не только воины-всадники, но и члены их семей. Данных о топографии расселения анатолийских тюрок в Крыму нет. Румийцы были поселены вне городов, но сами «Солхат и Сут(д)ак», согласно Ибн Биби, переданы *‘Изз ад-дину*, зятю хана Берке, в *икта*. По Ал-Айни, *‘Изз ад-дин* был женат на дочери Берке Урбай-хатун [24, с. 357]. А.А. Ромаскевич и С.Л. Волин трактуют крымское *икта* (в Золотой Орде традиции *икта* не было) традиционно как надел, данный под условие вассальной службы. В чем состояли обязанности держателя надела, мы не знаем, но на налоги от этих городов, скорее всего, содержалась его семья и семьи всадников орды экс-султана. Как родственник хана, *‘Изз ад-дин* и его близкие состояли в списке бенефициариев, получавших подарки из Каира, приходившие в столичный Сарай. Увы, но сколько-нибудь археологически убедительных следов пребывания *‘Изз ад-дина Кей Кавуса* или его близкого окружения нет ни в Солхате, ни в Судаке. находка на полуострове подвесной свинцовой печати с двуглавым орлом и арабской легендой с титулами трех соправителей Рума 1249–1257 гг. – *‘Изз ад-Дина Кей Кавуса II, Рукн ал-Дина Килич Арслана IV и Ала ад-Дина Кай-Кубада II* – свидетельствует об уровне официальных контактов ордынских наместников Крыма и султанов Рума в период около середины XIII века [60, с. 123]. Печать найдена в районе с. Межгорье (Белогорский район), где, очевидно, находилась летняя ставка крымских *баскаков*. Возможно, с сельджукской миграцией связана находка неподалеку от Солхата (близ дер. Грушевка, старое название Суук-Су) каменной стелы XII–нач. XIII вв. с изображением воина-тюрка, вероятно, из неизвестного нам святилища. Стела найдена при случайных обстоятельствах и сейчас готовится мной к изданию.

Около 1280 г., после смерти *‘Изз ад-Дина*, сельджуки *Сары Салтука* вернулись обратно в Добруджу. В Крыму же с XIII в. постепенно укоренился культ последователя *Сары Салтука* шейха *Кемаль Баба (Кемаль Ата)*. *Кемаль Ата* умер в Солхате до 1278 г. и в память о нем по указанию *Сары Салтука*, как сообщает апокриф, были построены *суфийская обитель и мавзолей*, ставший *зияретом* (оба сооружения не сохранились). Предполагается, что *зиярет* располагался на высоком холме в северо-восточной части городища, на самом деле, насыпи кургана эпохи бронзы [см.: 29, с. 21–25; 30, с. 38–41]. В начале осени 1839 г. здесь было вскрыто погребение *Кемаль Ата* [73,

с. 43]⁸. Погребение было вскрыто по ошибке в поисках захоронения высокочтимого караимского наставника Аарона га-Рофе.

Между тем, *Масуд*, старший сын экс-султана, вернувшись на родину, был признан правителем восточной части Румского султаната (западную часть Рума возглавил его двоюродный брат *Кей Хосров III б. Рукн ад-Дин*).

Прямых данных о характере религиозного влияния сельджукской диаспоры времени *‘Изз ад-Дина* на исламскую общину Солхата нет. Известно лишь, что турки Сары Салтука, о чем можно судить по сведениям Йазийи-оглу, не были устойчивы в своих религиозных предпочтениях, колеблясь между исламом и христианством. Тем не менее, возникновение в Солхате около 1263 г. первой мечети свидетельствует о формировании мусульманской общины, ориентированной на тюркско-кыпчакскую часть населения города, куда, естественно, вошла и тонкая прослойка исламизированных монголов.

Джучиды, выбирая ислам, повторили опыт сельджуков XII в. На это было несколько причин. Первая состояла в усвоении модели *тюркского ислама*, тяготеющего к *суфизму* – «...особого мистического, религиозно-философского мировоззрения в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта полное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путем экстаза или внутреннего озарения, ниспосланных человеку, идущему к богу с любовью к нему в сердце» [3, с. 4]. Среди историков отличие тюркского ислама от арабо-персидского одним из первых отметил В.В. Бартольд [6, с. 659]. Этот вопрос как научная проблема вошел составной частью в общую тему соотношения местного и общего в культуре мусульманского мира, обсуждавшуюся участниками коллоквиума «Мусульманский мир 950–1150». Дискуссия была организована Оксфордским университетом и Ближневосточным центром Пенсильванского университета в 1969 г. [77; русский перевод – см.: 46]. Ключ к специфике тюркского ислама специалисты определили в его тяготении к *суфизму* [10, с. 32]. Во 2-ой пол. XIII – XIV ст. исламский опыт сельджуков повторили монголо-татары.

Влияние тюрк-кочевников на городскую культуру Ближнего Востока становится очевидно уже с эпохи Великих Сельджуков. Это в частности подчеркнул Д.С. Ричардс. С тюркской экспансией он связал, начавшуюся на рубеже XI–XII вв., «трансформацию мусульманской цивилизации» в целом [53, с. 16–19]. Характерные черты симбиоза, выросшего на почве общения исламизированного оседлого населения с кочевниками в арабском мире и территориях, захваченных тюрками-сельджуками в XII в., стали предметом анализа Клода Казна.

⁸ Авраам Фиркович (1787–1874), известный крымский собиратель и исследователь караимских древностей [о нем см.: 13].

По Каэну, одна из важных особенностей в распространении ислама состояла в том, что номадизм, в разных регионах и хронологических срезах не всегда находился в жесткой оппозиции к образу жизни земледельцев и горожан [26, с. 112–113]. Автор обосновывает эту позицию гомогенностью природы номадизма – бедуинского (VII в.), арабского (VIII–X вв.), тюркского в XI–XIII вв., наконец, и монгольского (2-я пол. XIII – XIV вв.). «На Востоке, – отметил он, – <...> наиболее катастрофические последствия (для земледелия и городской жизни – М.К.) имело монгольское завоевание, а затем тимуридское вторжение. Громадный объем разрушений, появление номадов абсолютно чуждых какой-либо земледельческой традиции, повлекли за собой последствия, которые невозможно отрицать. <...> Монголы лишь позднее обратились в ислам, и в какой ислам! И если Тимур, бывший убежденным мусульманином, опирался на некоторые группы кочевников, например на Ак-Куюнлу в Малой Азии, то ни он сам, ни основное ядро его войск не являлись номадами. Более того, даже после этих опустошительных завоеваний произошло некоторое возрождение <...>, и полный упадок относится в отдельных регионах лишь к новому времени, когда обстановка в мире стала иной и когда у номадизма уже не было никаких перспектив» [26, с. 120–121].

При Берке (1257–1267), первом из джучидских ханов принявших ислам, новая религиозная доктрина должна была приспособиться к инокультурному большинству ханского окружения, состоящего из шаманистов, буддистов и несториан. Как отметил Дж. С. Тримингем, «...Роль суфизма здесь была очень значительной, но не в качестве тарика – «пути» мистического познания, а благодаря святым, наделенным сверхъестественной силой, проявлявшейся даже после их смерти, исходившей от гробниц, многие из которых были возведены монгольскими правителями» [57, с. 81]. О.Ф. Акимушкин назвал эту линию массового ислама *рефлекторным суфизмом* [3, с. 3].

Обращение Берке произошло в Бухаре, где его наставником стал *суфий ордена кубравийа Сайф ад Дин Са'ид ал-Бохарзи* (ум. 1261). С периода правления этого хана суфизм постепенно укоренился в религиозном сознании мусульман Поволжья, Приаралья и Хорезма [11, с. 19–24; 1, 140–143, 27, с. 142–150; 39, с. 5–14; 23, с. 21, 22]. В 1333 г. мавзолей и обитель *Са'ида ал-Бохарзи* в Бухаре, сооруженные попечительством Тимура, но так же и гробницу *Наджмаддина Кубра* (1145–1221), наставника самого *Са'ида ал-Бохарзи*, посетил арабский бербер, *шейх и кадий* Ибн Баттута, *суннит маликитского толка*. В обители *Са'ида ал-Бохарзи* он присутствовал при исполнении *сама* – религиозных песнопений, характерных для суфиев. Несколько ранее – весной того же года – Ибн Баттута встретил в Солхате малоазийского шейха *Абу Бакра Руми*, представителя *шафиитского* меньшинства и автора суфийского трактата *«Каландар-наме»*. Абу Бакр родился в Аксаре (Анатолия), но до конца жизни служил *имамом* одной из двух собор-

ных мечетей города, возможно, построенной на средства мамлюка Мелик Насыра (не сохранилась) [35, с. 22, 23; 47, с. 41–45; 48, с. 126–132]. По Каландар-наме, пронизанному пиететом перед Румом, к сельджукидам приписан и Кутлуг-Тимур⁹, сын Тоглук-Тимура, правителя Солхата и области Крым при хане Узбеке (1312–1341). Как и отец, он принадлежал знатному монгольскому роду, родственник Джучидов в ветви, принявшей ислам. Кутлуг-Тимур (Мелик Тимур) – наместник Крыма при хане Джанибеке (1341–1357). Весной 1334 г. он вместе с мужской частью семьи и ведущими духовными авторитетами города (всего девять человек) сопровождал Ибн-Баттуту в его поездке в Азак [24, с. 210]. Важно отметить, что и в ономастиконе Солхата встречаются имена представителей *сельджукской диаспоры*, чьи отцы, судя по *нисбам*, были выходцами из Анатолии. Среди них: *ал-Кастамуни*, XIII в., *ал-Ахлати* (в имени Ходжи Ахмеда, сына абу-Касыма), *ат-Токати*, *ас-Сиваси*; в этом же ряду – имя шейха из Отуз, что рядом с Солхатом, – *Якуба Коневи* (729 г.х.= 1328 г.) [4, с. 4, 11, 12; № № 70, 94, 190, 227]. Уместно также отметить имена двух строителей (архитекторов), принадлежащих к разным поколениям одной (?) семьи из *Арбел* (Ирбиля) в Северном Ираке. Первый – автор так называемой «Мечети Узбека» 1314 г. *Абдул-Азиз ибн Ибраим ал-Ирбили*, чье имя содержится в посвяtitельной надписи портала [4, с. 14]. Его появление в Крыму близко по времени к кровавой смуте в Арбеле, сопровождавшейся резней между тюрками-мусульманами и тюрками христианами в 1310 г., о которой сообщает Бар Эбрай. Второй – Махмуд ибн *Осман ал-Ирбили* известен по надписи на замковом камне из слоя разрушения небольшого мавзолея XV в., располагавшегося неподалеку от портала возобновленной мечети Узбека, раскопанного нами в 1985 г. [33, с. 116, с. 207, кат. № 211]. Выходцами из Ирака, как свидетельствует Ибн Баттута, были основаны в Крыму и суфийские обители (*ханака*) – средоточия религиозного рвения и «школы» передачи *суфийского опыта*.

Мы не знаем, какой из четырех школ *мазхаба* – *шафиитской*, *ханафитской*, *маликитской* или *ханбалитской* – принадлежали солхатские выходцы из Анатолии. Но благодаря Ибн Баттуте, известно, что доминирующие позиции в общине Солхата занимали *ханафиты*. Тем не менее, источники сообщают и о *шафиитах*. Каирский арабист Амин ал-Холи приводит сведения о нахождении в Крыму в начале XIV в. представителя *арабского суфизма*, *шафиита* из ордена *рифа'ийа* [5, с.18]. О необыкновенных обрядах, которыми славился этот орден мы знаем по Рихла Ибн Баттуты. «*Малые миграции*», о чем свидетельствуют нарративные источники и имена анатолийских и, отчасти, северо-иракских беженцев, включая их крымскую ветвь,

⁹ Благодарю за это сообщение переводчицу «Каландар-наме» М.Р. Шамсимухаметову (Исмагилову).

явилась второй и, надо полагать, *основной* причиной укоренения сельджукской прививки в культуре исламской общины города.

Сельджукская традиция в материальной культуре Солхата. В жизни города сельджукская традиция нашла проявление практически во всех основных формах и видах строительной и ремесленной деятельности – от архитектуры общественных сооружений и архитектурной резьбы до производства поливной керамики сграфитто и малых форм ювелирной пластики, включая выделку ювелирных украшений и поясных наборов¹⁰.

Центр *исламского Солхата* сложился в 1-ой трети XIV – 2-ой пол. XV вв. Его ядром стал архитектурный комплекс, состоящий из медресе и возобновленной на новом месте «мечети Узбека». «Новая» мечеть Узбека сохранила портал, *михраб* и основные детали аркады первоначальной, датированной 1314 г. Мечеть была перенесена к северной стене медресе первой трети XIV в. скорее всего на исходе XV в. В 2014 году «мечети Узбека» (а значит и всему архитектурному комплексу) исполнилось 700 лет [40, с. 205–213].

Портал мечети сельджукского типа. Здесь объединены три стилистических признака: выступающая из плоскости фасада здания форма массивного прямоугольника, остроконечная ниша, заполненная сталактитами (*mugarnas*) над дверным проемом, и максимальная загруженность резным декором, как правило, размещаются в прямоугольном поле между дверью и нишей со сталактитами. В 1332–1333 гг. в Солхате на средства и при покровительстве Инджибекхатун, матери правителя города, построено четырехайванное медресе с величественным порталом [64, с. 106–108; 33, с. 112–116; 20, с. 51–53; 39, с. 5–17; 21, с. 176, 177]. Как отметил турецкий исследователь О. Асланапа, это медресе помимо дидактической роли выполняло еще и функцию *муваккитхане* (службы определения времени для своевременного совершения молитвы) [67, р. 5–11].

В основу его плана был положен прямоугольник со стороной около 28 м; общая площадь медресе 837 кв.м. Медресе располагало 14-ю *худжрами* для студентов и еще несколькими помещениями, расположенными вокруг прямоугольника двора. План медресе [38, с. 35–45] повторяет с некоторым развитием пространственную структуру медресе Бурусийе в Сивасе (1271) (Центральная Анатолия) [76, р. 96; fig. 34]. Солхатское медресе одно из немногих, наряду с Cifte Minareli и Gök Madrasa в Анатолии, чьи порталы выполнены в сельджукском стиле (рис. 1). К этой же традиции восходит и трехплановый архитектурный декор *мечети и медресе*, включая и структуру двухъярусных капителей [36, рис. 50, 51, 52, 54, 55, 56].

¹⁰ Представляется уместным подчеркнуть разницу в результатах усвоения сельджукского опыта городскими культурами Солхата и Сугдеи, где анатолийское начало едва ощутимо. Альтернативную точку зрения см.: [70, с. 261–273].

Рис. 1. М.М. Иванов, акварель. Предпортальная площадь и портал медресе Солхата. Последняя треть XVIII в.

Сельджукская керамика Солхата представлена серией фрагментов поливных сосудов с подглазурным рисунком в технике сграффито. Наиболее интересной находкой явилась чаша, найденная при исследовании нижних кладок так наз. Мечети Бейбарса в слое заполнения землянки, перекрытой полом мечети (с джучидскими медными монетами XIV в. – 117 ед.) [36, с. 164–198, рис. 43–46, илл. 104, 105]. Наиболее поздние монеты относятся ко времени Токтамышша (1376–1399). Землянка едва ли существовавшая уже при Токте (1290–1312), приходит в окончательное запустение в годы правления Узбека (1312–1341). Учитывая период бытования, чаша по данным стратиграфии может быть датирована концом XIII– 1-ой пол XIV в. Все персонажи сцены в гранатовом саду подчеркнута молоды, удалы, равны вместе на пиру. Естественно предположить в участниках застолья молодых мужчин, называвших себя на Ближнем Востоке *фитйан* (ед. число *фата* – «молодой человек», «юноша»). Клубы *фитйан* с IX в. получили название *футувва* – «молодость», «рыцарство» [17, с. 99; см. еще: 71, р. 961–965]¹¹. В Малую Азию идеи и

¹¹ *Фитйан* придерживались определенного кодекса чести, чтили целомудрие (в братство принимались холостые мужчины). Первоначально объединения *фитйан* возникли в городах Ирака и Хоросана. На рубеже XI–XII вв. халиф ан-Насир (1180–1225) разрешил использовать движение *футувва* для расширения влияния Халифата в странах ислама за пределами Ирака. В 1182–1183 гг. старейшина багдадской *футувва* облачил ан-Насира в «одеяния *футувва*». В 1208 г. был опубликован декрет о признании халифа главой движения, положившим основание «придворной футувва», роль которой по-разному оценивается в литературе. «Но монгольская катастрофа, пишет Г. фон Грюнебаум, –

обрядность *футувва* проникли при Изз-ад Дине Кейкавусе I (1210–1219), приходившемуся халифу ан-Насиру тестем [15, с. 163]. Важнее, впрочем, то, что ее народная линия была здесь подхвачена *ахи*, пришедшими в Малую Азию в VII в. из Месопотамии. Ибн-Баттута, посетивший Малую Азию и Крым в 1332/33 г., так отозвался о братьях-молодых людях: «*Ахи* живут по всей территории страны, населенной туркоманами, в каждой провинции Малой Азии, в каждом городе и каждом селении. Во всем мире нет таких людей как они, полных такой заботы о чужеземцах, людей так стремящихся к гостеприимству, обузданию тиранов, убийству пособников тиранов и злодеев, которые с ними заодно <...> Это сообщество называется также *футувва*...» [84, р. 360]. Марокканец был поражен контрастом дневной и ночной жизни этих людей. Ночные застолья здесь сопровождались пением и танцами. Братства *ахи*, перешагнув границы Малой Азии, известны в Крыму и Приазовье¹². В 1333 г. Ибн-Баттута встретил в Азаке представителя местного объединения *фитийан ахи Бычакчи* («он относится к высокопоставленным лицам и угощает путешественников») [84, р. 368]. В Азак Ибн-Баттута прибыл из Солхата, где, судя по эпитафии надгробия 1375 г., жил и умер *алемдар* (знаменосец) *ахи*¹³.

В мелкой пластике связь с сельджукской традицией наиболее явно отразилась в типе и декоре двух типов перстней [37, с. 138–147]. *Первую* – серебро с чернью – объединяет стременивидная форма с плоским ромбовидным щитком, украшенным по углам имитацией *прикрепов каста без вставки*. По типу близок к сельджукским перстням так называемого «смешанного стиля» («Collage Style», по классификации М.Венцель) [85, pp. 60–61. Вторая – представлена перстнем без прикрепов из золотистой бронзы. По типу он может быть отнесен к перстням «эполетного стиля» («Epaulette Style» по М.Венцель) из Анатолии, датируемыми XIV–XV вв. [85, pp. 89–91, cat. 298, 300]. Другую группу находок составляют концевые пластины серебряных поясных наборов из Белореченского могильника (курган 47), полная гарнитура поясного набора из кургана № 8 того же могильника и серебряный поясной набор из захоронения в центральном нефе Мангупской базилики [36, с. 146–163, рис. 31, 32, 33, илл. 762, 73]. К ней примыкают золотой поясной наконечник из Бол-

смела придворную *футувва* до того, как та сумела прочно утвердиться, и оставила только «бюргерскую» *футувва*, которая подвергалась меньшему политическому риску и не была связана с какой-либо определенной системой правления. Она продолжала существовать в различных локальных формах в различные периоды, причем особенно стойкой оказалась на тюркской территории».

¹² Главным образом по упоминаниям в надписях надмогильных камней Старого Крыма: 4, № 25, с. 9; № 41, с. 10.

¹³ Надгробие хранится в Государственном Эрмитаже (Инв.№ Сол.11). Издание – см.: 4, № 25, с. 9.

гар [31, кат. № 113] и парадный золотой стрелковый пояс из состава Симферопольского клада [31, с.114–120, кат. № 527–564]. Пояс из клада украшен вставками из крымского сердолика и входил, по-видимому, в сокровищницу правителя Солхата *Кутлуг Буга*. *Кутлуг Буга* – младший брат *беклярибека Могул Буги*, погибшего осенью 1361 г. С 1351 по 1357 гг. *Кутлуг Буга беклярибек* в правительстве *Джанибека*, сменивший на этом посту своего брата. Отстранен от правительственных дел в 1357 г. В конце 1358 – нач. 1359 г. *Кутлуг Буга*, по-видимому, не без участия *Мамая*, его родственника по материнской линии, занимает место крымского *улусбека*. Верхняя дата клада определяется *пайцзой* хана Кельдибека (1361 г.) [31, с. 115, 116]. Я не исключаю, что поясной набор (как и ряд других украшений из Симферопольского клада) изготовлены в Солхате по заказу *улусбека* в конце 50-х гг. XIV века. Если мои предположения верны, поясной набор Симферопольского клада – самый ранний из памятников вышеназванного круга.

Обратимся теперь к одной важной для нашей темы технической детали – плоскому литому язычку концевых накладок [31, кат. № 108, 112–115, 142, 527]. Эта деталь отливалась в жесткую форму и орнаментирована двумя головками змееподобных рептилий в геральдической композиции. Наиболее близкую аналогию можно видеть в рисунке серебряной поясной накладки из Белореченского кургана № 30. Сопоставления с типом змеевидных драконов каменных рельефов северо-западного Ирака, северной Сирии и Анатолии, включая Конию, не оставляет сомнения в сохранении традиционной сельджукской стилистики Джазиры и Рума в материалах мелкой пластики Крыма и Северного Кавказа около середины – 2-ой пол. XIV в.

В заключение коснусь еще одного сюжета, прямо, как будто, не связанного с сельджукской традицией Анатолии. В мелкой пластике украшений из Белореченского могильника нередок механически повторяющийся сюжет героя, разрывающего пасть льва. Наиболее полное изображение с этим мотивом можно видеть на лицевой стороне большой обоймицы из состава поясного набора, найденного в кургане №8 [36, рис. 32]. Образ героя-победителя – Давида (Самсона?, Мгера?, Дигениса Акрита?), борющегося со львом, приходит в Малую Азию не из романского искусства, как я полагал раньше, но из европейской поздней готики. В этой связи отмечу наблюдение Дж. Раби, сопоставившего библейский сюжет о Самсоне с загадочным рисунком *Мухамада Сиях Калама* (конец XIV–XV вв.). Здесь босой, подобно дервишу, *герой* в «плаще решимости» (?) со струящимися готическими складками, разрывает пасть льва, *сидя на спине* зверя [81, р. 160–163, fig. 477, 478]. Сцена происходит на глазах дервишей в островерхих шапках-*кулах*. Мне уже приходилось писать, что сюжет с сидящим на льве героем не находит прямых иконографических соответствий в европейской традиции [36, с. 151]. Нет ли в ри-

сунке Сиях Калама аллюзии на известные в среде факиров-последователей *Ибн ар-Рифа'и* (1106–1182) подвиги, о которых шла молва, что у себя на болотах Батаиха в Южном Ираке (между Басрой и Васитом) они – *дервиши-рифай* – ездят верхом на львах и совершают другие подвиги. Вот как писал в 1327 г. о рифайтах Ибн Баттута, посетивший могилу святого *Абу-л-'Аббаса ар-Рифа'и* и обитель, в которой живут «...тысячи наших бедных братьев <...>. После окончания полуденной молитвы забили барабаны и литавры и нищие братья пустились в пляс (речь идет о ритуальном танце *ракс*, исполнявшемся во время радений – М.К.). После того как они прочитали предзакатную молитву, принесли еду, состоящую из рисовой лепешки, молока и фиников. Когда все это было съедено и произнесена послезакатная молитва, они принялись читать свой *зикр* (ритмичное, повторное поминание имени бога для достижения состояния духовной сосредоточенности) <...> Затем они перешли к чтению под музыку. Они приготовили заранее вязанки дров, которые бросали в костер, и сами, танцуя, входили в него. Некоторые из них катались в пламени, в то время как другие глотали огонь, пока они, наконец, не погасили его полностью. Это их обычный обряд и отличительная черта корпорации братьев Ахмади. Некоторым из них ничего не стоит взять огромную змею и начисто откусить ей голову» [цит. по: 57, с. 42]. Тот же Ибн Баттута, описывая другую рифайтскую традицию, восходящую к Кутбаддину Хайдару, отмечает, что последний «...ввел обычай носить железные кольца на руках, на шее и в ушах и даже на мужском половом члене, так что половой акт становится невозможным». Этот обряд должен был демонстрировать победу духа над плотью и временное растворение плоти в абсолютной истине [57, с. 42–43]. Из Хорасана обряды *хайдарийа* распространились на Сирию и Малую Азию, где ближе к концу XIV – XV вв., вероятно, получила отражение в рисунках Сиях Калама, но при изображении демонов, как можно предположить, ставших на путь исправления (?). [75, taf. 17–24, 26; 82, pl. 125, 127–130, 133]. Не исключено, что традиция *хайдаритов* в их экспериментах с человеческой плотью в борьбе за духовность нашла отражение в необыкновенно массивном бронзовом браслете из наших раскопок в Солхате 1978 г. (Эрмитаж, инв. № Сол. 17). Браслет несомкнутый, на узких боковых сторонах выбиты знаки, характерные для гадательных чаш; на его широких концах изображения заячьих голов. В мифологии части сельджуков Малой Азии (огузских племен чепни) заяц – «мерило истинной веры»: кто ест зайца, тот поганый (нечистый). Вероятно, что изображение заячьих или кроличьих голов на браслете частью ортодоксально настроенного исламского населения воспринималось как символ похоти. В сочетании с необыкновенной массивностью, сюжет декора дает основание для предположения о заказчике из *хайдаритов*, склонном к подавлению плоти в борьбе за истинную духовность.

Наконец, важно подчеркнуть, что причины и механизм переноса сельджукской ремесленной и художественной традиций из северо-западного Ирака и исламских областей Малой Азии в Крым в эпоху расцвета Золотой Орды не были изолированным явлением. На это указывают памятники резьбы по камню из внутреннего Дагестана. С этим вектором связана группа рельефов XIV века из сланца, созданная в Кубачи [22, с. 84–94]. Более того, сама возможность основания поселения А.А. Иванов рассматривает с точки зрения деятельности мигрантов из Джазиры и Рума. Вместе с тем, появление мастеров-каменотесов, создавших знаменитые рельефы, по времени соотносится с утверждением в Кубачи ислама на рубеже XIII–XIV вв. Учитывая значение в социальной организации общины и ее ремесленной жизни суфизма, отмечу наблюдение А.А. Иванова о деятельности в Дагестане *шейха Хасана* (убит в 1305 г.). Шейх Хасан принадлежал к мистическому братству *Сухравардийа* (об этом способе следования по мистическому пути – см.: [57, с. 39–43]). Исламоведы считают, что основателем *сухравардийа* как способа следования по мистическому «пути» был *Шихабалдин Абу Хафс 'Омар* (1145–1234), прошедший первоначальное обучение в *рибате* (суфийской обители) своего дяди *Абу-и Наджиба ас-Сухраварди* (1097–1168), чьим наставником на суфийском пути был шейх *Ахмад ал-Газали*. О своей приверженности к *сухравардийа* не преминул сообщить и наш основной источник по характеристике исламской общины Солхата времени Узбека Ибн Баттута. Он дважды примеривался к *хьрка* (рубищу) дервиша *сухравардийа*, что должно было символизировать верность канонам этого ордена (в первый раз в Исфахане в 1327 г.), но так и не стал им. Представляя избирательность Ибн Баттуты, можно судить о высоком уровне популярности ордена *Сухравардийа* не только на Ближнем Востоке и Малой Азии, но и в Крыму.

Итак, наши материалы из юго-восточного Крыма, но также из Дагестана (аул Кубачи), датируемые, по преимуществу, XIV и началом XV вв., свидетельствуют о сохранении сельджукской художественной традиции в районах Северного Причерноморья и Большого Кавказа у западных берегов Прикаспия в период распада и исчезновения государства Сельджукидов. Перенос традиций осуществлен исламской диаспорой из Анатолии. Отметим также, что привлекательность западных областей Золотой Орды, ставших на три четверти века районом стабильности, состояла не только в успешном развитии рынка и существовании богатых заказчиков, нуждавшихся в ремесленниках, способных соответствовать запросам новых городских или деревенских элит, но и специфике *укоренения* религиозного опыта суфизма. В формировании этого религиозно-философского мировоззрения особая роль принадлежала странствующим *дервишам* (*каландарам*). Именно они служили посредниками между *шейхами суфийских рибатов* (обителей), предлагавших конкретные практики

следования по мистическому «пути» отдельных орденов, и массовым населением исламской общины города. *Каландары*, однако, хотя и пользовались обителями, но, тем не менее, организационно не входили в структуру *рибатов*, как приверженцы принятых на местах способов следования по мистическому «пути».

В нашем случае – в Солхате, как я пытался показать, заметна роль *традиций* таких сообществ как *кубравийя*, *сухравардийя* и, возможно, *рифайя*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдульвапов Н.* Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79.
2. *Абдульвапов Н.* К истории науки, образования и культуры в Крыму в период Золотой Орды // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
3. *Акимушкин О.Ф.* Суфийские братства: сложный узел проблем / Предисловие к переводу // Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе. Перевод с английского под редакцией и с предисловием О.Ф.Акимушкина. М., 1989.
4. *Акчокакры О.* Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». Т. I (58), 1927.
5. *Амин ал-Холи.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокращ. пер. с арабского. М., 1962.
6. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VI. М.-Л., 1985.
7. *Байер Г.-В.* Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
8. *Бира Шадгар.* Монгольская идеология тенгризма и Хубилай-хан // Золотоордынское обозрение. №1. Казань, 2013.
9. *Богданова Н.М.* Херсон в 10–15 вв. Проблемы истории византийского города Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 1991.
10. *Босворт К.Э.* Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире / Перев. с англ. М.Б. Пиотровского // Мусульманский мир 950–1150. М., 198.
11. *Васильев.* К вопросу о роли суфизма в исламизации Золотой Орды // Гуманитарные исследования. Вып. 6. Астрахань, 2003.
12. *Васильевский В.Г.* Исторические сведения о Суроже. Журнал Министерства народного просвещения. Т. 00, 1889.
13. *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович. СПб., 1997.
14. *Гатин М.С.* Бертольд Шпулер о религиозной ситуации в Золотой Орде // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012.
15. *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.

16. *Гордлевский Вл.* Государство сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941.
17. *Грюнебаум Г.Е. фон.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Пер. с англ. И. М. Дижур. Предисл. В.В.Наумкина. М., 1986.
18. *Гончаров Е.Ю.* Восточная нумизматика Херсона (вторая половина XII– первая половина XV вв. // Причерноморье в Средние века. Под ред. С.П.Карпова. Вып. VII. М., 2009.
19. *Джанов А.В.* Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев – Судак, 2008.
20. *Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Издательский дом «Астраханский университет», 2011.
21. *Зиливинская Э.Д.* Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
22. *Иванов А.А.* Дракон в искусстве Кубачи // Эрмитажные чтения памяти В.Г.Луконина (21. 01. 1932 – 10. 09.1984). К 80-летию со дня рождения. 2007–2012. СПб., 2014.
23. Ислам в Улусе Джучи: конфессиональный переворот и этапы исламизации // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
24. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранных В.Г.Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.
25. *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007.
26. *Казн К.* Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире / Пер. с франц. В.Я.Пархомовского // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981.
27. *Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.* Религии и культово-мемориальные памятники Хорезма в эпоху Золотой Орды // История и археология Турана. №1. Самарканд, 2013.
28. *Крамаровский М.Г.* Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Ленинград, 1989.
29. *Крамаровский М.Г., Хаврин С.В.* Работы Старокрымской археологической экспедиции в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. Тезисы докладов. СПб., 1998.
30. *Крамаровский М.Г., Хаврин С.В.* Новый кеми-обинский комплекс из Восточного Крыма (Крым и Кавказ в эпоху ранней бронзы) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. К 90-летию со дня рождения. СПб., 1998.
31. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001. 363 с.
32. *Крамаровский М.Г.* Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 10. Симферополь, 2003.

33. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Каталог выставки «Золотая Орда. История и культура.» СПб., 2015.
34. Крамаровский М.Г. Солхат и Мамай во второй половине 70-х – 80-е гг. XIV в. // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Вып. 2. Казань, 2011.
35. Крамаровский М.Г. К идентификации «Мечети Бейбарса» в Солхате // IV научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай, 2012.
36. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012. 490 с.
37. Крамаровский М.Г. «Рукою полною «Рукою полною перст ней»/ Находки второй половины XIII–XIV веков из Поднепровья и Крыма // Труды Государственного Эрмитажа LXIX. Византия в контексте мировой культуры. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2013.
38. Крамаровский М.Г. О благотворительности в Золотой Орде: семья Кутлуг-Тимура архитектурные доминанты Солхата // Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] LXX. СПб., 2013.
39. Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII – XIV вв. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
40. Крамаровский М.Г. Комплекс мечети и медресе Солхата: актуальные проблемы изучения и сохранения // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.
41. Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н. Отчет Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2014 г. (Архив Института археологии РФ). СПб., 2015.
42. Кизилов М. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
43. Лебедев В.В. К источниковедческой оценке некоторых рукописей А.С.Фирковича // Палестинский сборник. Вып. 29. Л., 1987.
44. Мальшев А.Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // Восток – Запад: проблема взаимодействия и трансляции культур. Сборник научных трудов. Саратов, 2001.
45. Мальшев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2007.
46. Мусульманский мир 950–1150 / Под редакцией В.В.Наумкина и М.Б.Пиотровского М., 1981.
47. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. №1. Казань-Бахчисарай, 2014.
48. Миргалеев И.М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми «Каландарнаме» // Сборник материалов Международной научно-практической конфере-

ренции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.

49. *Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д.* Наследие византийского Херсона. Севастополь – Остин. Институт классической археологии, 2011.

50. *Притула А.Д.* Христианство и персидская книжность XIII–XIV вв. // Православный Палестинский сборник. Вып. 101. СПб., 2004.

51. *Притула А.Д.* Фрагмент бронзовой ажурной лампы для мечети из раскопок Херсонеса // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. II (XXVII). СПб., 2006.

52. *Седикова Л., Хеннеберг Р., Рабинович А.* Повседневная жизнь провинциального города в византийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 15. Симферополь, 2009.

53. *Ричардс Д.С.* Предисловие / Пер. с англ. В.В.Наумкина // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981.

54. *Рыжов С.Г.* Средневековые жилые кварталы 10–13 вв. в Северном районе Херсонеса. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 8. Симферополь, 2001.

55. *Свет Я.М.* Путешествия западных чужеземцев в стране Трех Индий. М., 1968.

56. *Сорочан С.В., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2001.

57. *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордена в исламе. Перевод с английского под редакцией и с предисловием О.Ф.Акимушкина. М., 1989.

58. *Фронжуло М.А.* Раскопки «Храма с аркадой» в Судакской крепости (1969–1975) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

59. *Хаутала Р.* Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII – первой половины XIV вв. // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012.

60. *Хромов К.К.* Сельджукская печать из Крыма // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Ч. III. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. Киев, 2013.

61. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Т. VII. Стамбул, 1928 (на турецком языке).

62. *Шукуров Р.М., Коробейников Д.А.* Великие Комнины, Синоп, Рум в 1223–1230 гг. (Загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века. Вып. 6. СПб., 1998.

63. *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001.

64. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерк истории и истории материальной культуры. М.-Л., 1964.

65. *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. 25. 1927.

66. *Alekseenko N.* On the Question of Currency Circulation and the Development of Chersonese Trade Ties in the Thirteenth Century // Acts of XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected papers. Vol. 4. М., 1991. P. 239–244.

67. *Aslanapa Oktay*. Kirim ve Kuzey Azerbaycan'da Türk Eserleri. Istanbul, 1979.
68. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris, 1973.
69. *Bira Sh.* Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism // Journal of the Royal Society 14 (2004).
70. *Bulgakova V.* Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Seldschuken // Mittelalter im Labor. Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft / Herausgegeben von Michael Borgolte, Juliane Schiel, Bern Schneidmuller, Annette Seitz. Berlin, 2008.
71. *Cahen Cl.* Futuwwa // Encyclopédie de l'Islam, njuvelle édition, établie avec le concours des principaux orientalistes par B. Lewis, Ch. Pellio et J. Schacht sur la patronage de l'union académique internationale. T. II. Leiden-Paris.
72. *Cowe P.* The Religious Significance of the Armenian Community of the Crimea in the 13th–15th Centuries // Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра. Международная научно-практическая конференция, посвященная 650-летию монастыря Сурб Хач. 25–26 июля 2008 г. Сборник тезисов конференции. 2008.
73. *Firkovich A.* Sefer Avnei Zikkaron Livnei Israel. Vilna. 1872 (на иврите).
74. *Golden P.B.* The Codex Cumanicus // Central Asian Monuments. Ed. H. Paksoy. Istanbul, 1992.
75. *Ipşiroglu Mazhar S.* Wind der Steppe. Die schönsten Blätter des Meisters Siyah Qalem. Akademische Druck. Graz, 1984.
76. *Kuran Aptullah.* L'architecture seldjoukide en Anatolie // L'Art en Turquie. Sous la direction d'Ekrem Akurgal. Fribourg, 1981.
77. Papers on Islamic History: III Islamic Civilisation 950–1150. Ed. D.S. Richards. Oxford – Cassirer, 1973.
78. *Peacock A.C.S.* The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // The Royal Asiatic Society, Series 3, 16, 2 (2006).
79. *Peacock A.C.S.* The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // Tarih Arastirmaları Dergisi, 47. Ankara, 2010. P. 243–265.
80. *Rabinovitz A., Sedikova L. und Henneberg R.* Daily life in a Provincial late Byzantine City: Recent Multidisciplinary Research in the Southern of Tauric Chearsonesas (Cherson) / F. Daim, J. Dranschke (eds.) // Das Romerreich im Mittelalter 2, 1, 2010.
81. *Raby J.* Samson and Siah Qalam // Between China and Iran: Paintings from Four Istanbul Albums / Ed. by Ernst J. Grube and Eleanor Sims. A Colloque held 23–26 June 1980. Colloquies & Archaeology in Asia, no. 10. University of London, 1980.
82. Turks: A Journey of a Thousand Years, 600–1600 / Ed. by David J. Roxburgh. Royal Academy of Arts. London, 2005.
83. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.
84. *Ibn Batoutah.* Voyages d' Ibn Batoutah / Texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Baron R. Sanguinetti. I–II. Paris, 1857–1858.

85. *Wenzel M.* Ornament and Amulet: Rings of the Islamic Lands // The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art. Vol.XVI / ed. J. Raby. London, 1993.

86. *Wittek P.* Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV. Part 3, 1952.

Дата поступления статьи

10.09.2015 г.

Сведения об авторе: Крамаровский Марк Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Отдел Востока, куратор центрально-азиатских коллекций (190000, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Для цитирования: Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 55–88.

THE CRIMEA AND RUM IN THE 13TH–14TH CENTURIES: THE ANATOLIAN DIASPORA AND URBAN CULTURE OF SOLKHAT

Mark Kramarovsky

State Hermitage Museum, Oriental Department,
34 Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg 190000, Russian Federation
E-mail: solkhat@hermitage.ru

It was within the period between the second half of the thirteenth century and the early fourteenth century that the Northern Black Sea region started to get islamized. Solkhat, the administrative centre of the Golden Horde in the Crimea, played a crucial part in this process. The current paper is concerned with two closely related issues: the Anatolian diaspora and the development of the “Asia Minor” vector in the culture of Solkhat. According to some historical sources, the Seljuk expansion into the Crimea started as early as in the 1220s, when Hussam al-Din Chopan seized Sudak. The Seljuks built a garrison Mosque there and established the Sharia laws for a certain period of time. These actions, however, didn't have a far-reaching effect. There is no evidence of the population being forced into Islam. When Hussam al-Din moved over to Rum, he left a garrison in Sudak to control the sea ports.

The archeological findings in the Byzantine settlement of Khersones reveal a more diverse pattern of relationships with Islamic Anatolia. The findings include a substantial group of the Seljuk ceramics of the thirteenth century, coins and some other artifacts. I believe it is not unlikely that there was a small Islamic community in the Northern part of the city. It could have been destroyed during the period of the Seljuk expansion in the first third of the thirteenth century.

The Turkic people of Anatolia started to penetrate the Eastern Crimea in great numbers in 1265. This process was influenced by the diaspora made up of the supporters of the ex-sultan of Rum, 'Izz ad-Din Kaykaus (1246–1257). 'Izz ad-Din's Horde arrived in Crimea via Dobrudja in 1265, following their patron. This fact is mentioned in a historical compilation made by a Turkish author Yiaziyi-oglu Ali under sultan Murad (1421–1451), probably, in 1424. According to this compilation, which, in its turn, is based on the information provided by Ibn Bibi (the thirteenth century), the horsemen warriors arrived in the Crimea with their families. The new-comers settled outside the city, but Solkhat and Sut(d)ak were given to 'Izz ad-Din, khan Börke's son-in-law, as the *ikta*.

Another finding from Belogorsk area (the Crimea) is a hanging lead seal bearing the titles of the three rulers of Rum between 1249 and 1237, 'Izz ad-Din Kaykaus II, Rukn al-Din-Kilich Arslan IV and Allah ad-Din Kayqubad I. It means that the contacts between Rum and the administration of the Golden Horde were established at least as early as in the middle of the thirteenth century. After 'Izz ad-Din's death (*circa* 1280) the Seljuks of Sary Sultuk returned to Dobrudja.

Between 1265 and 1280 Kemal Baba's (Kemal Ata's) cult arose in Crimea. Kemal Baba was a sufi sheikh, a follower of Sary Sultuk [Saltuk-name 1987, s.136]. He died in 1278 in Solkhat, and it could have been by Sary Sultuk's order and to commemorate Kemal Baba that the sufi abode and the mausoleum were built there. They used to be a *ziyarat*, but none of them has survived until nowadays. The contacts with Anatolia can be traced in the iconography of the double-headed eagle on the *puls* of Solkhat bearing Talabuga khan's *tamga* (1287–1290); images of a double-headed eagle can be seen on Janibek's *puls* in the middle of the fourteenth century.

When the Jochids chose Islam as their religion, they unconsciously followed the Great Seljuks' experience. There were a number of reasons for that. The first one is the fact that they chose a *Sufi*-like branch. According to C.E. Bosworth, they did so because the Turcic people's Islam kept some traces of *Seljuk tradition* and some other Shamanistic beliefs. This hidden Paganism is believed to explain not only the choice of the Sunnite branch of Islam, but also of its *Hanafite Maddhab*.

Under Börke (1257–1267), who was the first khan to adopt Islam, the new doctrine couldn't neglect the fact that the khan's surroundings belonged to different cultural backgrounds: Tengrism, Shamanism, Buddhism, Nestorianism. According to J.S. Trimmingham, 'Sufism's role was of considerable significance, not as a Way, but through its men of power, manifested also after their death from their tombs, many of whose structures were raised by Mongol rulers'.

In 1334 the Arab traveler Ibn Batutta was in Solkhat where he met Abu Bakr Rumi, a sheikh from Asisa Minor, who wrote the Persian Sufi treatise Qalandar-name. A copy of Qalandar-name is being prepared for publishing by a group of scholars from Kazan, directed by Il'nur Mirgaleev. Abu Bakr was born in Akshehir (Anatolia), but apparently spent most of his life in Solkhat as the *imam* of one of the two jame mosques of the city. In his treatise poem he once refers to the ruler of Solkhat as 'Seljuk' – most probably, in order to flatter him. It is extremely important that the onomastic data from Solkhat often reveal the names of people belonging to the Seljuk Diaspora, whose fathers, according to *nisbas*, came from Anatolia, for example al-Kastamuni (the thirteenth century), al-

Akhlati, at-Tokati, as-Sivasi, as well as Yaakub Konevi (1328), a sheikh from Otuz (the neighbourhood of Solkhat).

Two more names worth mentioning here: those of the builders (architects) belonging to different generations of one and the same (?) family from Arbel (Irbil), the Northern Iraq. The first one is Abdul Aziz ibn Ibrahim al-Irbili, the author of the 'Mosque of Uzbek' (1314), whose name can be found in the dedicatory inscription on the portal. The name of the second one, Mahmud ibn Osman al-Irbili, is known from the keystone which we found in 1985 in the layer of destruction of a fifteenth century mausoleum. According to Ibn Battuta, the Sufi abodes (*khanqahs*) – centres of religious zeal and 'schools' where Sufi experience was taught – were founded by immigrants from Iraq, too.

Thus, as we can see from the narrative sources, as well as from the names of the refugees from Anatolia and Northern Iraq, including those in the Crimea, the so called 'minor migration' was the second and, most probably, the *main* reason that the Seljuk 'inoculation' worked in the culture of the Islamic city communities.

As to the materialistic component of life, the Seljuk influence can be traced in almost all the kinds of building and handicraft activities. The core of the Islamic Solkhat was formed between the first third of the fourteenth century and the second half of the fifteenth century. Its centre was the architectural ensemble of a madrasa and 'the Mosque of Uzbek', which was rebuilt on a new site. The new 'Mosque of Uzbek' repeated the portal, the *mirhab* and the main elements of the arcade of the original one, dating back to 1314. The mosque was obviously rebuilt closer to the Northern wall of the madrasa (built in the first third of the fourteenth century) in the late fifteenth century. In 1332–1333 Injebek Khatun, the mother of the Mongol ruler of the city, ordered and sponsored a new madrasa with four *iwans* and a portal of the Asia Minor style. The three-dimensional decorations of the mosque and the madrasa, including the two-level structure of the capitals, belong to the same tradition. Besides its didactical function, madrasa also served as a *muvakkithane*, that is, it was responsible for keeping prayer times.

The Seljuk ceramics of Solkhat is represented by a series of glazed ceramics with under-glaze sgraffito drawing. The most interesting finding is a bowl dating back to the first half of the fourteenth century. It shows a scene of a feast, where all the characters are exaggeratedly young, courageous and equal in their positions at the feast. The most natural idea is that they must be members of an association of young men who were called the *fityan* (sg. *fata* – 'young man', 'youth') in the Near East. Since the ninth century the *fityan* clubs were called *futuwwa* ('young-manliness, chivalry'). The ideas and the rites of the *fityan* penetrated Asia Minor under Izz ad-Dīn Kaykāwūs I (1210–1219), who was caliph an-Nasir's son-in-law.

The Seljuk tradition is also visible in the shape and decorations of two groups of rings. The first one comprises niello silver rings characterized by a stirrup-shaped outline with a flat diamond-shaped plate whose angles are decorated with fake settings without inlay. The second one is represented by a ring of goldish bronze dating back to the fourteenth–fifteenth centuries.

Another group of findings is represented by the end plates of silver belt sets. Most of them were found in the barrows of Belorechinsk burial ground in Northern Caucasus. If we take into consideration the similarities between the decorations and the dragon-head motives of the end plates on one hand and those of the belt plate from Belorechinsk barrow, we'll come to the conclusion that *a new*

seam of artistic metalwork following the Seljuk tradition has been discovered not only in the Caucasus, but also in the Crimea. The fittings of Belorechinsk barrow №8 are among the most outstanding monuments of the kind. A similar belt set was discovered in 2005 in a male tomb in the central nave of the Mangup basilica (the Mountainous Crimea). The shooting belt (dated by Keldibek khan's paiza at 1361) from the Simferopol treasure belongs to the same group of findings. I believe that this golden belt set, as well as a number of other findings, could have been made in Solkhat. These belt sets were ordered by the elite of the Golden Horde (including those in Solkhat), and the Simpheropol treasure itself belonged to the ruler of Solkhat, Kutlugh Buga. Let me remind you that it was his mother, Injebek Khatun, who invited a building crew in the early 1330s to build the madrasa in Solkhat.

Thus, our findings from the South-Eastern Crimea and the Northern Caucasus mostly dating back to the fourteenth or fifteenth centuries demonstrate that the Seljuk cultural and artistic traditions were kept in the towns and regions of the foothills of the Northern Caucasus. These traditions were brought by the Islamic diaspora from Anatolia during the period when the Seljukid state collapsed.

Keywords: Solkhat, Seljuk tradition, Seljuk diaspora, madrasa, *Sufi*-like branch, Hanafite Maddhab, *fityan* clubs, *futuwwa*, Qalandar-name.

REFERENCES

1. Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the Initial Phase of the Active Spread of Islam in the Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region Peoples]. 2006, no. 79.
2. Abdul'vapov Nariman. K istorii nauki, obrazovaniya i kul'tury v Krymu v period Zolotoy Ordy [On the History of Science, Education and Culture in the Crimea during the Golden Horde Period]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma», posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka (g. Staryy Krym)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek's Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.
3. Akimushkin O.F. Sufiyskie bratstva: slozhnyy uzel problem. Predislovie k perevodu [The Sufi Brotherhoods: A Complex Knot of Problems / Introduction to Translation]. Trimmingham J.S. *Sufiyskie ordena v islame* [The Sufi Orders in Islam]. Perevod s angliyskogo pod redaktsiyei i s predisloviem O.F. Akimushkina. Moscow, 1989.
4. Akchokakry O. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XIV vv. [The Stary Krym and Otuz Inscriptions of the 13th–14th centuries]. *Ottisk iz «Izvestiy Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii»* [A Reprint of the “Notes of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography”]. Vol. I (58), 1927.
5. Amin al'-Kholi. *Syazi mezhdu Nilom i Volgoy v XIII–XIV vv.* [Relations between the Nile and Volga in the 13th–14th centuries]. Sokrashch. per. s arabskogo. Moscow, 1962.

6. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Writings]. Vol. VI. Moscow, Leningrad, 1985.
7. Bayer G.-V. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosopograficheskogo leksikona vremeni Paleologov [The Metropolis of Kherson, Sugdeia, Gothia and Zichia according to Prosopographic Lexicon of the Palaeologian Time]. *Vizantiya i srednevekovy Krym* [Byzantium and the Medieval Crimea]. Simferopol, 1995.
8. Bira Shadgar. Mongol'skaya ideologiya tengrizmu i Khubilay-khan [The Mongolian Ideology of Tenggerism and Khubilai Khan]. *Golden Horde Review*. No. 1. Kazan, 2013.
9. Bogdanova N.M. *Kherson v 10–15 vv. Problemy istorii vizantiyskogo goroda Prichernomor'e v srednie veka* [Cherson in the 10th–15th centuries. Problems of the History of the Byzantine Town at the Black Sea Coast in the Middle Ages]. Pod red. S.P. Karpova. Moscow, 1991.
10. Bosworth C.E. *Nashestvie varvarov: poyavlenie tyurok v musul'manskom mire* [Barbarian Incursions: The Coming of the Turks into the Islamic World]. Perev. s angl. M.B. Piotrovskogo. *Musul'manskiy mir 950–1150* [Islamic Civilization 950–1150]. M., 1981.
11. Vasil'ev V.D. *K voprosu o roli sufizma v islamizatsii Zolotoy Ordy* [On the Role of Sufism in the Golden Horde Islamization]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies]. Is. 6. Astrakhan, 2003.
12. Vasil'evskiy V.G. *Istoricheskie svedeniya o Surozhe* [Historical Information about Surozh]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. T. 00, 1889.
13. Vikhnovich V.L. *Karaim Avraam Firkovich* [A Karaite Avraam Firkovich]. St. Petersburg, 1997.
14. Gatin M.S. *Bertol'd Shpuler o religioznoy situatsii v Zolotoy Orde* [Berthold Spuler on the Religious Situation in the Golden Horde]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde* [Islam and Power in the Golden Horde]. Kazan, 2012.
15. Gordlevskiy V.A. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloy Azii* [The Seljuk State in Asia Minor]. *Izbrannye sochineniya* [Selected Writings]. Vol. 1. Moscow, 1960.
16. Gordlevskiy V.I. *Gosudarstvo sel'dzhukidov Maloy Azii* [The Seljuk State in Asia Minor]. Moscow, Leningrad, 1941.
17. Grunebaum G.E. *fon. Klassicheskiy islam. Ocherk istorii (600–1258)* [Classical Islam: A History, 600 A.D. to 1258 A.D.]. Per. s angl. I.M. Dizhura. Predisl. V.V. Naumkina. Moscow, 1986.
18. Goncharov E.Yu. *Vostochnaya numizmatika Khersona (vtoraya polovina XII – pervaya polovina XV vv. [Oriental Numismatics of Cherson (the second half of the 12th – the first half of the 15th centuries)]. Prichernomor'e v Srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Pod red. S.P.Karpova. Is. VII. Moscow, 2009.
19. Dzhhanov A. V. *Pokhody sel'dzhukikh voysk na Sugdak i v Kilikiyu v pravlenie Ala al-Dina Kaykubada I* [Campaigns of the Seljuk Troops against Sugdak and Cilicia during the Reign of Ala al-Din Kaykubad I]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection]. Is. III. Kiev–Sudak, 2008.
20. Zilivinskaya E.D. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoy Ordy* [Essays on Cult and Civil Architecture of the Golden Horde]. “Astrakhanskiy universitet” Publ., 2011.

21. Zilivinskaya E.D. Mecheti Kryma i ikh mesto v kul'tovoy arkhitekture Zolotoy Ordy [The Mosques of Crimea and Their Place in the Golden Horde Cult Architecture]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma», posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka (g. Staryy Krym)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek’s Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.

22. Ivanov A.A. Drakon v iskusstve Kubachi [Dragon in the Kubachi Art]. *Ermitazhnye chteniya pamyati V.G.Lukonina (21. 01. 1932 – 10. 09.1984). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya. 2007–2012* [The Hermitage Readings in Memoriam of V.G. Lukonin (21.01.1932 – 10.09.1984). On the 80th anniversary of his birth. 2007–2012]. St. Petersburg, 2014.

23. Islam v Uluse Dzhuchi: konfessional'nyy perevorot i etapy islamizatsii [Islam in the Jochid Ulus: Confessional Upheaval and Stages of Islamization]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma», posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka (g. Staryy Krym)* [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek’s Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.

24. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. T. I. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannykh V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Vol. I. Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Extracts from Arab Writings Collected by V.G. Tiesenhausen]. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. Almaty, 2005.

25. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Trapezund Empire]. St. Petersburg, 2007.

26. Cahen C. Kochevniki i osedlye v srednevekovom musul'manskom mire [Nomades et sédentaires dans le monde musulman du milieu du Moyen Âge]. Per. s frants. V.Ya. Parkhomovskogo. *Musul'manskiy mir. 950–1150* [Muslim Civilization. 950–1150]. Moscow, 1981.

27. Kdyrniyazov M.-Sh., Kdyrniyazov O.-Sh. Religii i kul'tovo-memorial'nye pamyatniki Khorezma v epokhu Zolotoy Ordy [Religions and Cult-Memorial Monuments of Khwarezm during the Golden Horde Epoch]. *Istoriya i arkheologiya Turana* [History and Archaeology of Turan]. No. 1. Samarkand, 2013.

28. Kramarovsky M.G. Solkhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. [Solkhat-Krym: To the Question of Population and Topography of the City in the 13th–14th centuries]. *Itogi rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha. Sbornik nauchnykh trudov* [Results of the Works of the State Hermitage Archaeological Expedition. Collection of research works]. Leningrad, 1989.

29. Kramarovsky M.G., Khavrin S.V. Raboty Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1997 g. [Works of the Stary Krym Archaeological Expedition in 1997]. *Otchetnaya arkheologicheskaya sessiya za 1997 g. Tezisy*

dokladov [Reporting Archaeological Session for 1997. Abstracts of reports]. St. Petersburg, 1998.

30. Kramarovskiy M.G., Khavrin S.V. Novyy kemi-obinskiy kompleks iz Vostochnogo Kryma (Krym i Kavkaz v epokhu ranney bronzy) [A New Chemi-Obinsky Complex of the Eastern Crimea (Crimea and the Caucasus in the Early Bronze Age)]. *Ermitazhnye chteniya pamyati B.B.Piotrovskogo. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [The Hermitage Readings in Memoriam of B.B. Piotrovsky. On the 90th anniversary of his birth]. St. Petersburg, 1998.

31. Kramarovskiy. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy* [The Gold of the Chinggisids. The Golden Horde Cultural Legacy]. St. Petersburg, 2001. 363 p.

32. Kramarovskiy M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XIV vv. [The Jochids and the Crimea: 13th–14th centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Tauride Archaeology, History and Ethnography]. Is. 10. Simferopol, 2003.

33. Kramarovskiy M.G. Zolotaya Orda kak tsivilizatsiya [The Golden Horde as a Civilization]. *Katalog vystavki «Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura»* [A Catalog of the Exhibition “The Golden Horde. History and Culture”]. St. Petersburg, 2015.

34. Kramarovskiy M.G. Solkhat i Mamay vo vtoroy polovine 70-kh – 80-e gg. XIV v. [Solkhat and Mamay in the second half of the 1370s – 1380s]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»*, posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova. Kazan', 29–30 marta 2011 g. [Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde” dedicated to the memory of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011]. Is. 2. Kazan, 2011.

35. Kramarovskiy M.G. K identifikatsii «Mecheti Beybarsa» v Solkhatе [About Identification of the “Beibars Mosques” in Solkhat]. *IV nauchnye chteniya pamyati Useina Bodaninskogo* [The IV Academic Readings in Memoriam of Usein Bodaninsky]. Bakhchisaray, 2012.

36. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya* [A Man of Medieval Street. The Golden Horde, Byzantium, Italy]. St. Petersburg, 2012. 490 p.

37. Kramarovskiy M.G. «Rukoyu polnoyu perstney» / Nakhodki vtoroy poloviny XIII–XIV vekov iz Podneprov'ya i Kryma [“With a Hand Full of Rings” / Findings of the second half of the 13th–14th centuries from the Dnieper Area and the Crimea]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha LXIX. Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury* [Proceedings of the State Hermitage LXIX. Byzantium in the Context of World Culture]. St. Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 2013.

38. Kramarovskiy M.G. O blagotvoritel'nosti v Zolotoy Orde: sem'ya Kutlug-Timura arkhitekturnye dominanty Solkhata [On the Charity in the Golden Horde: Kutlug-Timur's Family – Architectural Dominants of Solkhat]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. Is. LXX. St. Petersburg, 2013.

39. Kramarovskiy M.G. Krym i Rumskiy sultanat vo 2-oy pol. XIII–XIV vv. [The Crimea and Sultanate of Rum in the second half of the 13th–14th centuries]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma»*,

posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka (g. Staryy Krym) [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek’s Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.

40. Kramarovskiy M.G. Kompleks mecheti i medrese Solkhata: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya [The Complex of Mosque and Madrasa of Solkhat]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma», posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka* (g. Staryy Krym) [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek’s Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.

41. Kramarovskiy M.G., Teplyakova A.N. *Otchet Zolotoordynskoy (Starokrymskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii o rabotakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata* (g. Staryy Krym) v 2014 g. (Arkhiv Instituta arkheologii RF) [A Report of the Golden Horde (Stary Krym) Archaeological Expedition on the Works on the Site of Medieval Solkhat (Stary Krym) in 2014 (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Federation)]. St. Petersburg, 2015.

42. Kizilov M. *Krymskaya Iudeya. Ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen do nashikh dney* [The Crimean Judea. Essays on the History of the Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in the Crimea from Ancient Times to the Present Day]. Simferopol, 2011.

43. Lebedev V.V. K istochnikovedcheskoy otsenke nekotorykh rukopisey A.S.Firkovicha [On the Source Study Evaluation of Some Manuscripts of A.S. Firkovich]. *Palestinskiy sbornik* [Palestinian Collection]. Is. 29. Leningrad, 1987.

44. Malyshev A.B. Nachalo katolicheskogo missionerstva v Zolotoy Orde [Beginning of the Catholic Missionary Work in the Golden Horde]. *Vostok – Zapad: problema vzaimodeystviya i translyatsii kul'tur. Sbornik nauchnykh trudov* [East – West: The Problem of Interaction and Translation of Cultures]. Saratov, 2001.

45. Malyshev A.B. Soobshchenie anonimnogo minorita o missionerskikh punktakh frantsiskantsev v Zolotoy Orde v XIV v. [Report of an Anonymous Minorite on the Franciscan Missionary *Loci* in the Golden Horde in the 14th century]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European Steppe]. Is. 4. Saratov, 2007.

46. *Musul'manskiy mir 950–1150* [Muslim Civilization 950–1150]. Pod redaktsiye V.V. Naumkina i M.B. Piotrovskogo. Moscow, 1981.

47. Mirgaleev I.M. Abu Bakr Kalandar Rumi. Kto on? [Abu Bakr Qalandar Rumi. Who Is He?]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. No. 1. Kazan-Bakhchisaray, 2014.

48. Mirgaleev I.M. Sochinenie Abu Bakra Kalandara Rumi «Kalandar-name» [The Writing “Qalandar-name” by Abu Bakr Qalandar Rumi]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya islamskogo naslediya Kryma», posvyashchennoy 700-letiyu mecheti khana Uzbeka* (g. Staryy Krym) [Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Actual Problems of Study and Preservation of the Islamic Legacy of the Crimea” dedicated to the 700th anniversary of Khan Uzbek’s Mosque (Stary Krym)]. Simferopol, 2014.

49. Yashaeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. *Nasledie vizantiyskogo Khersona* [The Byzantine Cherson Legacy]. Sevastopol'–Ostin. Institut klassicheskoy arkheologii, 2011.

50. Pritula A.D. *Khristianstvo i persidskaya knizhnost' XIII–XIV vv.* [Christianity and Persian Book Culture of the 13th–14th centuries] *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik* [The Orthodox Palestinian Collection]. Is. 101. St. Petersburg, 2004.

51. Pritula A.D. Fragment bronzovoy azhurnoy lampy dlya mecheti iz raskopok Khersonesa [Fragment of a Bronze Openwork Lamp for a Mosque from the Excavations of Chersonesos]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva (ZVORAO)* [Notes of Oriental Department of the Russian Archaeological Society]. Novaya seriya. Vol. II (XXVII). St. Petersburg, 2006.

52. Rabinovits A., Sedikova L., Kheneberg R. *Povsednevnyaya zhizn' provincial'nogo goroda v vizantiyskiy period: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v yuzhnom rayone Khersonesa* [Daily Life of a Provincial Town during the Byzantine Period: Interdisciplinary Research in the Southern District of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Tauride Archaeology, History and Ethnography]. Is. 15. Simferopol, 2009.

53. Richards D.S. *Predislovie* [Foreword]. Perv. s angl. V.V. Naumkina. *Musul'manskiy mir. 950–1150* [Muslim Civilization 950–1150]. Moscow, 1981.

54. Ryzhov S.G. *Srednevekoveye zhilye kvartaly 10–13 vv. v Severnom rayone Khersonesa* [Medieval Residential Quarters of 10th–13th centuries in the Northern District of Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Tauride Archaeology, History and Ethnography]. Is. 8. Simferopol, 2001.

55. Svet Ya.M. *Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strane Trekh Indiy* [After Marco Polo. Western Foreigners' Travels to the Countries of Three Indies]. Moscow, 1968.

56. Corochan S.V., Zubar' V.M., Marchenko L.V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa* [The Life and Death of Chersonesos]. Khar'kov, 2001.

57. Trimmingham J.S. *Sufiyskie ordena v islame* [The Sufi Orders in Islam]. Pervod s angliyskogo pod redaktsiyey i s pridisloviem O.F. Akimushkina. Moscow, 1989.

58. Fronzhulo M.A. *Raskopki «Khrama s arkadoy» v Sudakskoy kreposti (1969–1975)* [Excavations of the “Temple with Arcade” in Sudak Fortress (1969–1975)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection]. Is. II. Kiev–Sudak, 2005.

59. Hautala R. *Islamizatsiya tatar, soglasno latinskim istochnikam kontsa XIII – pervoy poloviny XIV vv.* [Islamization of the Tatars According to the Latin Sources of the late 13th – first half of the 14th centuries]. *Islam i vlast' v Zolotoy Orde* [Islam and Power in the Golden Horde]. Kazan, 2012.

60. Khromov K.K. *Sel'dzhukskaya pechat' iz Kryma* [A Seljuk Seal from the Crimea]. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikatsiy. Ch. III. Ulus Dzhuchi, Krymskoe khanstvo i sopredel'nye gosudarstva v XIII–XVIII vv.* [Oriental Numismatics in Ukraine. Collection of publications. Part III. The Jochid Ulus, Crimean Khanate and Neighboring Countries in the 13th–18th centuries]. Kiev, 2013.

61. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya* [The Book of Travels]. Vol. VII. Stambul, 1928 (na turetskom yazyke).

62. Shukurov R.M., Korobeynikov D.A. Velikie Komniny, Sinop, Rum v 1223–1230 gg. (Zagadka teksta Ioanna Lazaropula) [The Great Comneni, Sinop and Rum in 1223–1230 (an enigma of the John Lazaropoulos' text)]. *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Is. 6. St. Petersburg, 1998.

63. Shukurov R.M. *Velikie Komniny i Vostok (1204–1461)* [The Great Comneni and the Orient (1204–1461)]. St. Petersburg, 2001.

64. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym. Ocherk istorii i istorii material'noy kul'tury* [The Medieval Crimea. Essays on the History and the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, 1964.

65. Yakubovskiy A.Yu. Rasskaz Ibn al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [The Story of Ibn al-Bibi about the Campaign of the Asia Minor Turks against Sudak, the Polovtsians and Russians in the early 13th century]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina Chronika]. Vol. 25. 1927.

66. Alekseenko N. On the Question of Currency Circulation and the Development of Chersonese Trade Ties in the Thirteenth Century. *Acts of the XVIIIth Intenational Congress of Byzantine Studies. Selected papers*. Vol. 4. Moscow, 1991, pp. 239–244.

67. Aslanapa Oktay. *Kirim ve Kuzey Azerbaycan'da Türk Eserleri*. Istanbul, 1979.

68. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris, 1973.

69. Bira Sh. The Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism. *Journal of the Royal Society* 14 (2004).

70. Bulgakova V. Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Srdlschuken. *Mittelalter im Labor. Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft*. Herausgegeben von Michael Borgolte, Juliane Schiel, Bern Schneidmuller, Annette Seitz. Berlin, 2008.

71. Cahen Cl. Futuwwa. *Encyclopédie de l'Islam, nouvelle édition, établié avec le concours des principaux orientalistes par B. Lewis, Ch. Pellio et J. Schacht sur la patronage de l'union académique internationale*. Vol. II. Leiden–Paris.

72. Cowe P. The Religious Significance of the Armenian Community of the Crimea in the 13th–15th Centuries. *Armyane Kryma: vchera, segodnya, zavtra. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 650-letiyu monastyrya Surb Khach. 25–26 iyulya 2008 g. Sbornik tezisov konferentsii* [The Crimean Armenians: Yesterday, Today and Tomorrow. International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 650th Anniversary of Surb Khach Monastery. July 25–26, 2008. Collection of conference theses]. 2008.

73. Firkovich A. *Sefer Avnei Zikkaron Livnei Israel*. Vilna. 1872 (na ivrite).

74. Golden P.B. The Codex Cumanicus. *Central Asian Monuments*. Ed. H. Paksoy. Istanbul, 1992.

75. Ipşiroglu Mazhar S. Wind der Steppe. *Die schönsten Blätter des Meisters Siyah Qalem*. Graz, Akademische Druck, 1984.

76. Kuran Aptullah. L'architecture seldjoukide en Anatolie. *L'Art en Turquie*. Sous la direction d'Ekrem Akurgal. Fribourg, 1981.
77. *Papers on Islamic History: III Islamic Civilisation 950–1150*. Ed. D.S. Richards. Oxford–Cassirer, 1973.
78. Peacock A.C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād. *The Royal Asiatic Society*, Series 3, 16, 2 (2006).
79. Peacock A.C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād. *Tarih Arastirmaları Dergisi*, 47, (Ankara 2010), pp. 243–265.
80. Rabinovitz A., Sedikova L. und Henneberg R. Daily Life in a Provincial Late Byzantine City: Recent Multidisciplinary Research in the Southern of Tauric Chearsonesos (Cherson). F. Daim, J. Dranschke (eds.). *Das Romerreich im Mittelalter* 2, 1, 2010.
81. Raby J. Samson and Siah Qalam. *Between China and Iran: Paintings from Four Istanbul Albums*. Ed. by Ernst J. Grube and Eleanor Sims. A Colloque held 23–26 June 1980. *Colloquies & Archaeology in Asia*, no. 10. University of London, 1980.
82. *Turks: A Journey of a Thousand years, 600–1600*. Ed. by David J. Roxburgh. Royal Academy of Arts, London, 2005.
83. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, 1936.
84. Ibn Batoutah. *Voyages d' Ibn Batoutah*. Texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defrèremery et le Baron R. Sanguinetti. I–II. Paris, 1857–1858.
85. Wenzel M. Ornament and Amulet: Rings of the Islamic Lands. *The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art*. Vol. XVI. Ed. J. Raby. London, 1993.
86. Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. XIV. Part 3, 1952.

Received September 10, 2015

About the author: Kramarovsky Mark Grigor'evich – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (34 Dvortsovaya Naberezhnaya, St. Petersburg 190000, Russian Federation).

For citation: Kramarovsky M.G. The Crimea and Rum in the 13th–14th centuries: The Anatolian Diaspora and Urban Culture of Solkhat. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 55–88.